

И.В. Чуркина

Журнал «Ljubljanski zvon» о русской культуре (1899–1914 гг.)

I.V. Churkina

The Russian theme in the Ljubljana Zvon (1899–1914)

В статье рассказывается о некоторых аспектах деятельности словенского либерального журнала «Ljubljanski zvon» в 1899–1914 гг. Он имел важное значение для развития словенской литературы, способствуя утверждению в ней реализма и развитию литературной критики. Журнал сыграл большую роль в ознакомлении словенской общественности с русской культурой, прежде всего, с литературой.

Ключевые слова: антиклерикализм, русофильство, А. Ашкерц, И. Приятель, русско-словенские связи.

The article describes some aspects of the activity of the Slovenian liberal magazine “Ljubljanski Zvon” in 1899–1914. It was important for the development of Slovenian literature, contributing to the establishment in it of realism and the development of literary criticism. The journal played a major role in acquainting the Slovenian public with Russian culture, primarily with literature.

Keywords: anticlericalism, Russophilia, A. Ashkerz, I. Priyatel, Russian-Slovenian relations.

Журнал «Ljubljanski zvon» («Люблянски звон», «Люблянский колокол») просуществовал 60 лет (с 1881 по 1941 г.), и все это время он являлся литературным центром словенцев. «То, чем были “Novice” для словенского языка, тем стал “Zvon” для словенской литературы», — писал Й. Томиншек в статье, посвященной двадцатипятилетнему юбилею со дня основания журнала. Отмечая заслуги издания, Томиншек подчеркивал, что он взрастил словенскую литературную критику, дает богатый материал истории словенской литературы, счастливо

объединяет на своих страницах литературу и науку»¹. С этой оценкой вполне можно согласиться, добавив, что «Ljubljanski zvon» сыграл большую роль в развитии словенского реализма, в знакомстве словенской общественности с литературами других европейских стран.

Журнал был основан в 1881 г., когда в результате победы России в войне (1877–1878 г.) с Османской империей были освобождены болгары от турецкого ига, а Сербия и Черногория официально признаны независимыми. Эти события способствовали резкому усилению русофильских настроений словенского общества, особенно ее либеральной части. Словенская либеральная газета «Slovenski narod» («Словенский народ», «Словенский народ») и новый литературный журнал «Ljubljanski zvon» активно пропагандировали на своих страницах русскую политику, русскую культуру. В 1880-е годы в журнале «Ljubljanski zvon» печатались обширные статьи Ф. Целестина и К. Штрекеля о русских писателях, многочисленные некрологи русским литераторам, ученым, политическим деятелям. В 1882 г. из-за столь активного русофильства начались гонения на словенскую либеральную прессу со стороны австрийских властей и католической церкви. Из-за них «Ljubljanski zvon» покинули католические писатели, уменьшилось количество материалов, посвященных России. Но уже в 1890-е годы журнал стал чаще обращаться к русской тематике. В это время вышло несколько рецензий на труды русских ученых. Так, анонимный автор поместил обширную рецензию на книгу П.А. Кулаковского «Иллиризм», изданную в Варшаве². Два отзыва написал молодой словенский славист В. Облак — на книгу И.А. Бодуэна де Куртенэ «Материалы по южнославянской диалектологии и этнографии», опубликованную на немецком языке в Петербурге, и на монографию Т.Т. Флоринского «Лекции по славянскому языкознанию», изданную в Киеве³. Помимо этого в журнале были опубликованы заметки о русских культурных деятелях в виде юбилейных поздравлений или некрологов: о писа-

¹ Ljubljanski zvon. Ljubljana. 1905. № 11.

² Ibid. 1895. № 3.

³ Ibid. 1896. № 2.

телях Г.П. Данилевском, И.А. Гончарове, поэтах А.А. Фете, А.Н. Апухтине, историке литературы К.Я. Гроте, композиторе П.И. Чайковском и др. В ряде номеров издания были помещены краткие сообщения о Л.Н. Толстом. Все эти статьи давали положительные оценки рецензируемым трудам и русским культурным и научным деятелям.

«Ljubljanski zvon» напечатал ряд статей познавательного характера о России. Так было издано сочинение С. Рутара «Сибирская железная дорога», в котором автор с гордостью сообщал, что она будет много длиннее самой длинной железной дороги в США, что она даст возможность русским освоить огромные пространства Сибири. И теперь русские, желавшие эмигрировать из страны, могут отправиться в Сибирь, которая является частью России. В этом их преимущество перед европейскими переселенцами, вынужденными ехать в неизведанную Америку⁴. В журнале был напечатан очерк Й. Стекласы «Григорий Александрович Потемкин». Главной его заслугой перед Россией автор считал отвоевание у турок Крыма и создание Новороссии⁵.

В конце 1890-х годов А. Ашкерц опубликовал статью о книге проф. А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» (СПб., 1895. Т. 1). В ней он писал, что «в русских народных песнях предстает перед читателями вся мощь, вся красота, выразительность и пластичность русского языка», что «художественная поэзия просвещенных поэтов является только наследством, продолжением так называемой народной поэзии». «Русские ученые увидят, — продолжал Ашкерц, — в русских народных песнях как в большом волшебном зеркале великий русский народ и услышат, как он страдает и радуется, как плачет и смеется, как надеется и отчаивается»⁶.

Вместе с тем «Ljubljanski zvon» печатал и материалы о России с критическим уклоном. Такой была большая статья М. Мурко «Славянское обозрение», посвященная печатному органу Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Считая русских славянофилов до русско-турецкой

⁴ Ljubljanski zvon. 1896. № 8, № 9.

⁵ Ibid. 1898. № 6, № 8.

⁶ Ibid. 1896. № 3.

войны искренними людьми с самостоятельными убеждениями, которые выступали против немецкой бюрократии, современных ему славянофилов В.И. Ламанского и А.С. Будиловича Мурко охарактеризовал как людей, которые намерены разбить и ограбить Европу с помощью народов этой самой Европы. В заключение Мурко советовал словенской молодежи не читать «Славянское обозрение», а читать умеренно либеральный «Вестник Европы», слегка радикальную «Русскую мысль» и истинно русский «Русский вестник»⁷.

Таким образом, в 1890-е годы «Ljubljanski zvon» предоставлял на своих страницах достаточно места для материалов о России. И в то время размещенные в нем статьи и заметки имели не только положительный, но и критический характер.

В 1899 г. Антон Ашкерц (1856–1912) стал соредактором журнала «Ljubljanski zvon», в 1900–1902 гг. — редактором, а в 1903 г. — снова соредактором. Это был тот период в истории издания, когда русская тематика на его страницах резко увеличилась, что было связано со взглядами А. Ашкерца, одного из крупнейших словенских поэтов конца XIX — начала XX в. Ашкерц считал, что возможность успешного развития словенской культуры обеспечивается только в ее тесном взаимодействии с русской культурой. Главное средство познания России и ее культуры Ашкерц видел в русском языке. В 1901 г. он, благодаря помощи своего друга словенского либерала и русофила И. Хрибара, в то время — жупана Любляны, дважды посетил Россию. Во время первого приезда он побывал в Петербурге, Москве, Киеве, осуществив главную мечту своей жизни с юношеских лет. «Только Царьград и Рим я хотел бы посетить с такою радостью, но Москву еще больше: ведь она наша славянская»⁸. Пребывание в России наполнило поэта гордостью: «Наш братский язык господствует на всем огромном пространстве от Вислы до Тихого океана, от Ледяного моря до Индии. Мощь и власть этого языка, в чьем волшебном кругу ты находишься, как только пересекаешь русскую границу, это именно то, что

⁷ Ljubljanski zvon. 1892. № 9, № 10.

⁸ Kozak K.J. Pod egido ruskega orla ali orientalistični izleti A. Aškerca // Primerjalna književnost. Ljubljana, 2011. № 3. S. 153.

сразу должно привлечь каждого словенца»⁹. Ашкерц подчеркивал, что Россия является самой большой страной, где славянин сам себе хозяин. В том, что русские совсем ничего не знают о словенцах, он винил немцев, которых много в русских школах и учреждениях, а также абсолютизм, который «душит свободную мысль в России»¹⁰. Во время второго путешествия в Россию Ашкерц побывал в южных городах России: Одессе, Севастополе, Ялте, Керчи, Батуми, Тбилиси. Особенно сильное впечатление произвела на него поездка по Закавказской железной дороге, где он столкнулся с людьми различных национальностей: грузинами, армянами, татарами, евреями, курдами, персами и др. Общение с ними привело его к выводу, что русские много сделали для распространения европейской культуры на Кавказе. По мнению поэта, русские умнее обращались с восточными народами, чем британцы, поэтому и достигли больших успехов. Поездка по Кавказу еще более укрепила его в убеждении, что русский язык играет огромную цивилизационную роль. Этот «братский русский язык, — писал он, — объединяет духовными узами чуждые нам народы в новую семью». Вместе с тем, будучи человеком демократических убеждений, Ашкерц подчеркивал огромную разницу в образованности разных слоев русского населения. Сравнивая образованность русских простых людей со словенцами, он указывал: «Наш народ по уровню культурного развития и общего образования на триста лет опережает российский»¹¹.

Ашкерц, помимо редакторской работы, являлся и одним из авторов журнала «Ljubljanski zvon». Он опубликовал небольшую статью, посвященную столетнему юбилею со дня рождения А.С. Пушкина, в которой утверждал, что поэт уже давно принадлежит мировой литературе, и каждый образованный словенец должен уметь его читать на русском языке¹².

⁹ Kozak K.J. Op. cit. S. 159.

¹⁰ Кириллина Л.А. Восприятие России словенскими либералами в начале XX в. // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 688–690.

¹¹ Там же. С. 689; Kozak K.J. Op. cit. S. 157–164.

¹² Ljubljanski zvon. 1899. № 6.

Особое внимание Ашкерц уделял оценкам российских изданий работ, в которых он играл главную роль, а именно «Альбома Прешерна» и «Русской антологии в словенских переводах». Ашкерц с радостью сообщал в журнале об отношении русской научной общественности к «Прешернову альбому», изданному им в 1900 г. в честь столетия со дня рождения поэта. Он подчеркнул, что «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» оказали ему честь, опубликовав на своих страницах рецензию на «Альбом Прешерна». Автор рецензии русский филолог и лингвист Ф.Е. Корш, отметил Ашкерц, знает не только произведения Прешерна, его биографию и литературу о нем, но и всю словенскую литературу: «Корш очень доволен “Прешерновым альбомом”, — продолжил он, — и признает большую историческую ценность этого юбилейного сборника». Заметку Ашкерц заключил выражением благодарности Коршу за то, что он обратил внимание русских братьев на словенцев¹³. Эти слова не были пустым звуком. Еще в начале 1901 г. Ашкерц поместил в журнале «Ljubljanski zvon» обширную рецензию на книгу «Стихотворения Франца Прешерна» в переводе Корша, вышедшую в свет в Москве в 1901 г. В этой рецензии он писал об эпохальном значении данной книги для словенцев. Корш ввел Прешерна «из маленькой словенской каморки в огромный зал русской литературы, которая является мировой литературой». Ашкерц выразил надежду, что вслед за Прешерном туда войдут и другие словенцы¹⁴.

Вторая заметка Ашкерца была посвящена рецензии на «Русскую антологию в словенских переводах» А. Ашкерца и И. Весела, изданную в 1901 г. Автор рекомендовал словенцам прочесть ее ради знакомства с русскими поэтами. «Со времен Пушкина, — указал он, — русская поэзия в полном смысле этого слова — часть мировой литературы». Все знаменитые русские писатели переведены на европейские языки, и тем более их должны переводить словенцы, «истинные братья русских по племени и языку». «Русские новеллисты и романисты, — продолжил он, —

¹³ Ljubljanski zvon. 1901. № 7. S. 497.

¹⁴ Ibid. 1901. № 1. S. 53–55.

уже давно равнозначны западным неславянским писателям, а некоторые русские писатели превзошли всех других писателей мира. Кто такие Толстой, Чехов и Горький, если ни русские?! Словенцы много переводили Тургенева, Достоевского, Чехова, Толстого, Горького. Теперь они могут ознакомиться и с произведениями русских поэтов». «Братья русские, — писал Ашкерц, — пусть рассматривают нашу “Русскую антологию” как скромный ответ на переведенного на русский язык Прешерна»¹⁵. «Русской антологии» Ашкерц посвятил много сил. Создавать ее начал словенский поэт Иван Весел Косеский (1841–1900). В 1890-е годы к нему примкнул Ашкерц, который перевел для антологии 120 стихотворений русских поэтов, в том числе таких выдающихся демократов, как Н.П. Огарев, Н.А. Добролюбов, И.С. Курочкин, Д.Д. Минаев. «Русская антология» вышла в свет уже после смерти И. Весела. Ашкерц написал некролог, в котором отметил, что Весел перевел для сборника на словенский язык много русских поэтов. «Он был славянином душой и телом, — заключил Ашкерц, — и поэтому никогда не мог сочувствовать новейшему католицизму»¹⁶. (Он имел в виду фанатиков католицизма, группировавшихся вокруг А. Махничча.)

Ашкерц писал и о русских прозаиках. Так относительно заметки И. Приятеля о Чехове при переводе им сочинений русского писателя, Ашкерц указывал, что Приятель правильно сделал, издав перевод произведений Чехова, ибо он принадлежит к лучшим из ныне живущих русских писателей. На первый взгляд словенцам ближе западные писатели, однако настоящие словенцы, продолжил Ашкерц, должны интересоваться прежде всего русскими и другими славянскими писателями. Настоящему словенцу Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов должны быть ближе, чем Золя, Мопассан, Дюма, Марк Твен. «Изучая русских славян, — подчеркивал Ашкерц, — мы изучаем самих себя». Он призвал Приятеля перевести на словенский язык труды М. Горького, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого¹⁷.

¹⁵ Ljubljanski zvon. 1901. № 9. S. 642–643.

¹⁶ Ibid. № 1. S. 60–61.

¹⁷ Ibid. № 6.

Ашкерц уделил внимание и трудам о Словении известного русского этнографа А.Н. Харузина. В № 9 за 1902 г. «Ljubljanski zvon» поместил заметку некоего «А.А.», в которой тот выступил с замечаниями к статье Харузина «Национальная эволюция словенцев», опубликованной в «Русском вестнике». Автор критиковал этнографа за то, что он слишком оптимистично оценивает положение словенского языка в Крайне, утверждая, что он распространен в школах и учреждениях. Не понравилось рецензенту и предложение Харузина создать словенский университет в Триесте, а не в Любляне, как требовало большинство словенских национальных деятелей¹⁸. В следующем номере журнала Ашкерц, выражая солидарность с предыдущим автором, добавил еще ряд конкретных замечаний по этой статье Харузина. Он не согласился с опасениями относительно будущего словенцев. Во всех недостатках статьи Харузина Ашкерц винил его информаторов. Он советовал русскому ученому снова приехать в словенские земли и лучше изучить сложившееся в них положение, пользуясь сведениями таких информаторов, которые не имеют личной заинтересованности¹⁹. Эта рецензия была самой резкой из всех, которые Ашкерц когда-либо писал о трудах русских писателей и ученых. В начале 1903 г. новую статью о трудах Харузина, которая называлась «Русские и словенцы», поместил некто «-кю». В ней автор выражал удовлетворение тем, что русские стали обращать больше внимания на австрийских славян, в частности, на словенцев. В качестве примера он приводил выход в свет книги Харузина «Австрийская Крайна». «Это та моральная поддержка, — писал автор, — которую мы всегда ожидаем от наших могущественных братьев»²⁰. В 1904 г. «Ljubljanski zvon» снова напечатал отзыв на труды Харузина. Он касался двух его статей, помещенных в журнале «Живая старина», издававшемся В.И. Ламанским: «Крестьянин Австрийской Крайны» и «Жилище словенца Верхней Крайны». «Здесь гореньский дом, — отмечал автор, — точно и хорошо описан [...]. Мы, словенцы, должны

¹⁸ Ljubljanski zvon. 1902. № 9.

¹⁹ Ibid. № 10.

²⁰ Ibid. 1903. № 3.

быть благодарны Харузину за описание нашего дома, показ его на рисунках всему широкому миру»²¹.

В 1903 г. на страницах журнала Ашкерц поместил свой обширный очерк «Два путешествия в Россию»²². Также он активно печатал на страницах издания переводы произведений русских писателей, статьи о русской культуре, русской истории и т.д. Он привлекал к участию в издании русских критиков. Так, он обратился к Коршу с просьбой найти русского критика, который бы написал статью о русских литераторах. Корш передал предложение Ашкерца известному критику А.Л. Волынскому (Флексеру), присовокупив, что большой выгоды от этого сотрудничества нельзя ждать, «но тут уже речь должна быть об идее»²³.

Волынский написал для журнала «Ljubljanski zvon» два обзора: «Русская поэзия» и «Русские новеллисты». В первом очерке критик отметил, что со времен Белинского ряд его коллег (Писарев, Страхов) ругали Пушкина за недостаточное внимание к социальным моментам русской жизни. Однако открытие памятника великому русскому поэту 8 июня 1880 г. и речь на нем Достоевского показали совсем другое отношение к нему общественного мнения. Достоевский подчеркнул мировое значение и общечеловеческую ценность произведений Пушкина. Волынский также уделил внимание и творчеству Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, А.Н. Майкова. Их он охарактеризовал как поэтов пушкинского направления, близких мировой поэзии. Второе направление русской поэзии критик связывал с М.Ю. Лермонтовым, который «настоящий великий, перворазрядный гений». Для его произведений характерен демонизм и беспокойный дух, безнадежность, печаль. Лермонтов находился в постоянной оппозиции к действительности, стремился к свободе. К лермонтовскому направлению Волынский причислял произведения Н.А. Некрасова, А.В. Кольцова, И.З. Сурикова, И.С. Никитина, изменившие в поэзии пушкин-

²¹ Ljubljanski zvon. 1904. № 10.

²² Ibid. 1903. № 5, 9, 10, 11, 12.

²³ Рыжова М.И. Письма Антона Ашкерца А.В. Суворову, Ф.Е. Коршу, А.Л. Волынскому, Д.Н. Вергуну // Литература славянских народов. М., 1960. С. 207.

скую традицию. Особенно русский критик выделил Н.А. Некрасова, бывшего феодала с инстинктами феодала, который искренне оплакивал народ, особенно крестьянство, и верил в его светлое будущее. С возрождением крестьянства Некрасов связывал и возрождение России²⁴.

Только что возникшая группа поэтов-декадентов (Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонт), по мнению Волынского, не пользуется особой популярностью, ибо их поэзия носит «исключительно лирический характер и не объемлет русской действительности в целом»²⁵.

В центре статьи «Русские новеллисты» находились Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. В произведениях Толстого, подчеркивал Волынский, живет, действует и мыслит многомиллионное крестьянство, для них характерны поэзия простоты и высшей человечности. Толстой — «истинный сын крестьянского духовного элемента, его живое выражение, его язык и его психология; он трезв, ясен, он истинный трудолюбивый пахарь на ниве идей». Толстому Волынский противопоставил Достоевского. «Во главе нашей современной литературы стоят нормальный Толстой и сумасшедший Достоевский», — утверждал он. «Достоевский раскрыл до конца человеческую душу и показал неотвратимую трагедию ее существования». А.П. Чехова Волынский охарактеризовал как величайший талант современной русской литературы, который особенно прославился благодаря пьесам, поставленным Художественным театром. Одаренными писателями Волынский считал В.Г. Короленко, В.М. Гаршина. Особенно подробно остановился он на творчестве М. Горького, о котором писал как о нетерпеливом, горячем, свободолюбивом человеке. Хотя Горький считает себя марксистом, но у него силен инстинкт индивидуализма, свободолюбия, близкого к анархизму. Его творчество является новым ферментом для русской литературы. Вместе с тем босяк, введенный им впервые в русскую литературу, не кажется русским человеком.

²⁴ Ljubljanski zvon. 1901. № 8–9.

²⁵ Ibid. 1902. № 1–4.

В целом прославляя русскую литературу, Волынский холодно относился к декадентам, которые демонстрировали стремление к эстетике, оторванной от высшего идеала. По мнению критика, «декадентство является европейским семенем, занесенным в русское болото»²⁶. Возможно, русские писатели, о творчестве которых написал Волынский, благодаря ему стали популяризироваться молодым словенским переводчиком и литературоведом Иваном Приятелем, одним из главных корреспондентов газеты «Ljubljanski zvon» по русской тематике.

В 1904 г. редактором издания стал профессор Ф. Збашник, с 1903 г. являвшийся соредактором Ашкерца. Причину ухода с поста редактора журнала Ашкерц сам объяснял следующим образом: «Я чувствую, что высшему начальству мои убеждения не нравятся, так как они чересчур словенско-радикальные и чересчур панславистские»²⁷. Однако не только это заставило Ашкерца уйти из редакции. Один из корреспондентов журнала д-р Йосип Томиншек определил причину его ухода конкретнее. Во-первых, Ашкерц принимал в «Ljubljanski zvon» переводы с иностранных языков, что противоречило традициям журнала. Во-вторых, желая расширить круг сотрудников, он публиковал статьи зарубежных славянских авторов. Так, в 1900 г. публиковались статьи двух поляков и одного хорвата, а в 1901–1902 гг. публиковались статьи чехов, русских, хорватов. «Великий идеализм и благородные цели воодушевляли редактора, который с помощью своих личных связей с различными славянскими соплеменниками, заботился об этих статьях, но общество ему, боимся, было за это мало благодарно». Эти статьи, подчеркнул Томиншек, не были интересны словенцам²⁸.

После ухода Ашкерца с поста главного редактора журнала «Ljubljanski zvon» число публикаций о России в нем не уменьшилось, но они приобрели более фактологический характер. Например, в 1904 г. в нем были помещены две заметки о распространении книг в России. В первой сравнивалось число книг, напечатанных в 1887 г. (18,5 млн.) и в 1901 г. (58 292 480).

²⁶ Ljubljanski zvon. 1902. № 1–4.

²⁷ Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice. Ms. 895. M. 1.

²⁸ Ljubljanski zvon. 1905. № 12.

В таком бурном росте количества напечатанных книг автор видел огромный прогресс России. Во второй заметке были представлены результаты опроса о чтении литературы, проведенного среди учеников русских гимназий, семинарий, высших женских школ. На основании полученных 1 000 ответов были выявлены следующие данные: «Воскресение» Л.Н. Толстого прочли 621 человек, сочинения М. Горького — 586, Ф.М. Достоевского — 494, А.П. Чехова — 480, И.С. Тургенева — 478, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого — каждого более 100²⁹. «Ljubljanski zvon» старался показать успехи России в просвещении простого народа. В заметке «Народные библиотеки в России» указывалось, что в стране действуют более 20 тыс. библиотек и читален, в большинстве своем бесплатных. Помимо того имеется 10 тыс. бесплатных читален в «Чайных заботы о народной трезвости»³⁰.

Двадцатипятилетний юбилей победы России над турками был отмечен большой статьей проф. В. Безеншека. Он описал праздник, проходивший на Шипке 26–30 сентября 1902 г. «Это был великий день славянского побратимства, — отметил он, — славное проявление братской любви и общественное выражение благодарности освобожденных болгар освободителям русским». Безеншек был убежден, что разногласия славян не являются прирожденными, но их взрастили их враги. Церковь, построенную на Шипке, в стиле русских церквей XVII в., Безеншек воспринимал как символ братства всех славянских народов. Все колокола для нее были отлиты в России. Самый большой из них получил имя «Россия», следующий за ним — «Болгария», а остальные десять колоколов тоже были названы в честь одного из славянских народов, в том числе, с гордостью отметил Безеншек, там был и колокол «Словения». Вокруг Шипки расположен сад, построены богословская семинария с библиотекой и музей. Все это сделано в честь победы славянских героев, изгнавших турецких варваров. Безеншек подчеркнул, что в празднике приняли участие болгарский царь и наместник русского царя, а также много народа. Произносились

²⁹ Ljubljanski zvon. 1904. № 2.

³⁰ Ibid. 1905. № 3.

речи, был проведен парад, встретились русские и болгарские ветераны русско-турецкой войны³¹.

Главным корреспондентом журнала «Ljubljanski zvon», публиковавшим в нем материалы по русской тематике, был Иван Приятель. Первой его заметкой, помещенной в журнале, была рецензия на «Русско-словинский словарь с краткой грамматикой русского языка», написанный М.М. Хостником и напечатанный в 1898 г. в Горице. О нем журнал сообщал в 1897 г., еще до его публикации, и рекомендовал образованным словенцам купить его. В следующем году «Ljubljanski zvon» поместил рецензию на словарь И. Приятеля, который подчеркнул в ней, что русский язык имеет большое значение для всех славян, особенно для словенцев. «Будем учиться русскому языку, — призывал он, — особенно в настоящее время, когда нас хочет поглотить чуждое море, теперь, когда чужие “ученые” отказывают нам во всяком праве на будущее». Помимо этого русские писатели пользуются мировой славой: Толстой, Тургенев, Достоевский, Пушкин, Лермонтов «сверкают в рядах духовных великанов всех времен и народов». Труд Хостника Приятель оценивал как замечательный³².

В следующем 1899 г. Приятель опубликовал очерк «Русский роман и новейшая французская литература», который начинался пересказом статьи З.А. Венгеровой о влиянии русского романа на французскую литературу (Вестник Европы. 1899. Февр.). Относительно статьи Приятель сделал вывод: «Это исследование интересно, т.к. оно показывает нам, как русский роман завоевал одну из наиболее развитых литератур». Вместе с тем Приятель указал, что французские писатели не поняли эстетику русского романа и пытаются создать новый французский роман на основе русской морали и французского адюльтера³³.

В 1900 г. вышла большая статья Приятеля «Толстой и его роман “Воскресение”». Эта статья была им написана по просьбе Ашкерца, который в письме от 6 января 1900 г. предложил ему

³¹ Ljubljanski zvon. 1902. № 11.

³² Ibid. 1898. № 8.

³³ Ibid. 1900. № 2.

дать в журнал очерк о романе³⁴. Словенский литературовед Ф. Задравец, исследовавший труды Приятеля по русской литературе, считает, что в числе первых исследований Приятеля по этому предмету указанная статья занимает наиболее заметное место. Ученый также подчеркивает, что толкование Приятелем сочинений Толстого и особенно романа «Воскресение» оказало влияние на словенских модернистов (в частности, на И. Цанкара) и способствовало их переходу от позитивистской доктрины к «правде души»³⁵. Столь же высокую оценку этой статье дала советский историк литературы М.И. Рыжова. «Работа Приятеля, — написала она, — содержит немало свежих, оригинальных мыслей, собственных наблюдений и заключений, возникших в результате тщательного изучения молодым литературоведом творчества великого русского писателя. При этом автор статьи широко использует и критическую литературу своего времени»³⁶.

В статье Приятель утверждал: «Такая литература могла появиться только в России, [...] поскольку именно там было осознание огромности, вечности мира сильнее, чем где бы то ни было [...]. Всю жизнь Толстой искал истину [...] Сотни раз он падал и сотни раз опять вставал за правду и истину [...] Толстой нашел мир для своей души». Русская душа Толстого ищет бога и только в нем находит свое удовлетворение. Уже в 24 года Толстой пришел к мысли, что человек должен стремиться к нравственному самоусовершенствованию. В статье Приятель коснулся многих трудов Толстого: «Казачьи», «Война и мир», «Хаджи Мурат», но на «Воскресении» он останавливается особенно подробно. В среде политических заключенных, отмечает Приятель, происходит «воскресение» Нехлюдова и Катюши. «Русские писатели, — продолжил Приятель, — всегда отвечали на то, что спрашивали читатели [...] Толстой — великий апостол, воспитатель народов и социолог с далеко идущи-

³⁴ Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice. Ms. 595. M. 1.

³⁵ Zadravec F. Ivan Prijatelj in ruska literatura // Prijateljjev zbornik. Ljubljana, 1975. S. 168, 169.

³⁶ Рыжова М. И. Русская литература в журнале «Люблинский звон» // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 141.

ми целями». Он подчеркнул, что в «Воскресении» присутствует «голая, открытая человечность, не требующая никакой нивелировки»³⁷.

Приятель опубликовал большую статью о Н.В. Гоголе. Он остановился на его повести «Тарас Бульба», увидев в ее герое выражение широкого размаха русской души, упомянул и его «Шинель». Но основное внимание Приятель уделил знаменитому роману Гоголя «Мертвые души». «В нем он размышлял о России, — писал Приятель, — что она представляет собою в действительности. И эти его размышления стали грандиозной и страшной картиной, доходящей до самого сердца». Приятель сожалел, что Гоголь не смог написать вторую и третью части своего романа, где он хотел показать новую Русь. Гоголь «нецивилизованный, но полнокровный славянин. В нем все — чувство и фантазия и ничего — от разума». Приятель пришел к выводу, что все русские реалисты многое почерпнули у Гоголя: Тургенев воспринял от него заботу о России, Достоевский — патологическую религиозность, Л. Толстой — неверие в свое дело и сомнения, Салтыков Щедрин — смех сквозь слезы»³⁸.

Приятель поместил в журнале небольшой очерк о А.П. Чехове. Он был посвящен выходу в свет на словенском языке его сборника «Моменты». «Рассказы Чехова кратки, — отметил словенский критик, — кратки его моменты, но это моменты духовности [...]. Душа же всеобъемлюща, бесконечна и вечна. И поэтому на кратких мгновениях лежит печать вечности». После небольшого предисловия о Чехове Приятель представил свой перевод рассказа русского писателя «Дама с собачкой»³⁹.

В том же году он опубликовал в журнале «Ljubljanski zvon» перевод рассказа М. Горького «Двадцать шесть и одна», переварив его пересказом биографии писателя, которую тот опубликовал в русском журнале «Жизнь» в 1900 г.⁴⁰

Из русских деятелей культуры Приятеля прежде всего интересовали славянофилы. Большую статью он посвятил А.С. Хо-

³⁷ Ljubljanski zvon. 1900. № 4–7; 9–11.

³⁸ Ibid. 1902. № 5.

³⁹ Ibid. 1901. № 5.

⁴⁰ Ibid. № 1.

мякову. В первой части этой работы Приятель дал картину развития русского общества конца XVIII — первой половины XIX вв. Вплоть до войн с Наполеоном в нем господствовали идеи французов, суть которых в провозглашении индивидуализма. После победы над Францией в 1812 г. в России стали распространяться идеи немецких романтиков и Гегеля. В 1830-е годы в среде молодой русской интеллигенции велись споры о Гегеле. Иван Киреевский, по мнению Приятеля, занял в этих дебатах русскую позицию, заложив тем самым основы славянофильства. Он указал на отличие России от Европы, вокруг него сформировался кружок славянофилов: братья Киреевские, Хомяков, братья Аксаковы, Самарин и др. Наряду со славянофильским кружком вокруг Н.В. Станкевича образовался кружок западников. Славянофилы были убеждены, что западная культура не нужна русским, поэтому они выступали против реформ Петра I и Екатерины II. Выражение русского духа они видели в формуле «самодержавие и православие». Хомяков, по мнению Приятеля, являлся истинным сыном темного русского коллективизма. Хомяков — горячий приверженец православия, он враждебно настроен против католичества и протестантизма, он уверен, что Россия никогда не примет буржуазной конституции. Вместе с тем он выступал за свободу личности, любил свой народ и отдал ему всего себя. Славянофилов, считал Приятель, уже больше нет, но остается их призыв пробуждать народный дух и мысль — в 1860-е годы его подхватили просвещенные позитивисты, в 1870-е годы — народники-субъективисты, в 1890-е годы — марксисты. Никто уже не преклоняется перед невежеством народа, но продолжают народ изучать⁴¹.

Из русских культурных деятелей «Ljubljanski zvon» проявлял особый интерес к А.Н. Пыпину. Журнал отметил празднование 70-летнего юбилея ученого, которого он представил как знаменитого русского критика и историка русской литературы. В начале 1906 г., уже после смерти Пыпина появилась обширная статья о нем Приятеля. Словенский ученый показал влияние на Пыпина русских революционных демократов Н.Г. Чер-

⁴¹ Ljubljanski zvon. 1904. № 6, 7.

нышевского, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, отметил интерес к славянам, который возбудили в нем лекции И.И. Срезневского и В.И. Григоровича. Пыпин преподавал в Петербургском университете, но проработал там только год и вынужден был уйти из него из-за поддержки волнений студентов. После этого историк активно сотрудничал в журналах «Современник» и «Вестник Европы». Пыпин издал несколько книг, в том числе «Общественное движение в России при Александре I», «История русской этнографии» и др. Особенно подробно Приятель остановился на книге «История славянских литератур», вышедшей в свет в 1879–1891 гг. Польский раздел для этой книги написал В.Д. Спасович. Приятель подчеркнул, что Пыпин не является славистом, поэтому его очерк нужно рассматривать не как научную работу, а как факт русской современной истории, как полемику, направленную против славянофильства. Пыпин доказал в своем сочинении: 1) проблематичность единства славян, ибо каждый славянский народ бьется за существование сам; 2) славянская культура слишком слаба, чтобы заменить собою романо-германскую культуру. Не выступая против этих выводов, Приятель отметил их излишнюю резкость, не соответствующую действительности. Далее Приятель рассказал о своих встречах с Пыпиным, который ему подарил эту книгу с надписью «Г. Ив. Приятелю, молодому будущему историку славянских литератур особенно русской, на добрую память от старого историка. А. Пыпин». Приятель видел в Пыпине представителя славной когорты шестидесятников, которые явились вспышкой, слегка приоткрывшей русскую реальность. Пыпин же исследовал движение идей в России, начиная с прихода на Русь от южных славян церковнославянской литературы и заканчивая Пушкиным, который был для русской литературы тем же, чем Шекспир для английской и Гете для немецкой. С удовольствием Приятель отметил, что исследования Пыпина «поддержаны и утверждены учеными, занимающимися историей литератур». В последней части статьи о Пыпине он подчеркнул: «Всю жизнь он трудился, чтобы приблизить Россию Европе, доказать разным теоретикам географическую, историческую и культурную истину, что Россия принадлежит Европе и что ей должны светить те же путеводные звезды, что

и Западу». Но при этом Приятеля удивлял тот факт, что во время их встреч Пыпин ни слова не сказал о Западе, «только Россия и славянство у него на уме». Вывод словенского ученого был таков: «И все же этот человек русский всей душой и любит свою родину истинно русской любовью». Перед своими он ругает ее за отсталость, но если это сделает иностранец — встает на ее защиту. «Эту русскую особенность я замечал повсюду среди русских. Но больше всего она меня удивила у двух известных западников: у московского профессора западных литератур Алексея Веселовского и Пыпина». Пыпин говорил Приятелю, что западные славяне презирают Россию, поскольку свои представления о ней они черпают от немцев, даже русскую литературу знают по немецким переводам. Некоторые из них приезжают в Россию не для того чтобы изучить ее, а чтобы ее судить. В пример Пыпин привел словенца М. Мурко и чеха Холечека.

Встречи с Пыпиным привели Приятеля к заключению, что бессмысленно расхвалить все русское. Нужно провести сравнение культур западных и восточных славян и определить, что у них осталось общего, чтобы сделать это основой реального единения. «Ведь это единственный путь открыть некую более осмысленную и крепкую культурную связь, чем сами по себе языковые подробности и представления о русском могуществе, на которые опиралось прежнее западное русофильство». Западные славяне должны брать себе из русской жизни все то, что может им пригодиться⁴².

Во время встреч с Приятелем Пыпин высказал мнение о различных писателях. Из русских писателей он особенно хвалил Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского, Горького считал талантливым, хотя и слишком мрачным, высоко оценивал Достоевского, Л. Толстого, однако отмечал и их недостатки. Он резко высказывался против идей модного в то время немецкого философа Ницше, так как был убежден, что человек, который презирает доброту и милосердие по-русски называется не «Übermensch» (сверхчеловек), а негодяй, «ведь только сочувствие сделало человека человеком»⁴³.

⁴² Ljubljanski zvon. 1906. № 4.

⁴³ Ibid. № 1–4.

Таким образом, статья Приятеля о Пышине стала не только рассказом о русском ученом, но и в определенной степени выражением кредо словенского ученого относительно славянской идеи в то время. Стоит отметить, что, в отличие от других словенских рецензентов, Приятель рассматривал труд Пышина «История славянских литератур» не как историческое сочинение, а как политическое, направленное против славянофильского понимания идеи славянской взаимности.

Приятель активно сотрудничал с журналом «Ljubljanski zvon» и после ухода Ашкерца с поста его редактора. Об этом свидетельствует и представленная выше статья о Пышине. В том же году Приятель опубликовал обширную рецензию на книгу Б. Вошняка о России «На рассвете»⁴⁴. Отметив, что Вошняк изучил общину, артель, быт купечества и босяков, дал прекрасное описание петербургских улиц и Московского Кремля, Приятель наряду с этим подчеркнул, что тот, кто захочет познать русскую культуру и русскую душу, найдет в книге лишь материал для этого. Вошняк ничего не написал о русской истории, о громадных архивах проектов, о русском земстве, которое заботилось об открытии школ в России. Он не рассказал о борьбе народников и марксистов, о положении рабочих и крестьян, что дало бы возможность читателю понять, «почему Россия идет через рабочие забастовки и крестьянские волнения к рассвету». Не затронул Вошняк положение инородцев. По мнению Приятеля, Вошняку не следовало бы становиться на точку зрения современных славянофилов — Комаровых, Будиловичей, Кулаковских и Саблеров. Вошняку следует снова поехать в Россию и изучить ее по-настоящему. Все же Приятель считал, что книга Вошняка — лучшая из вышедших у словенцев книг о России⁴⁵.

Приятель написал рецензию и на книгу М. Говекаръевой «Русский модерн. Горький, Андреев, Скиталец, Бунин, Чириков. Новеллы и очерки. Любляна, 1905». О выходе в свет этой книги «Ljubljanski zvon» сообщил в начале 1906 г. Приятель указал, что эти авторы известны и на Западе, и у них надо

⁴⁴ *Prijatelj I. Vogumil Vošnjak: Na razsvitu // Ibid. 1906. № 5.*

⁴⁵ *Ibid; Кирилина Л.А. Словенский политик Б. Вошняк о России. 1904–1917 гг. // Вопросы истории. М., 2015. № 2. С. 100–101.*

учиться изображать жизнь. Россию в последнее время сотрясают бои, и хорошо, что у нее есть более крупные писатели, чем Горький и его окружение. Приятель писал, что Говекарьева не права, считая указанных писателей последователями Гоголя, Тургенева, Достоевского. Они являются последователями Г.И. Успенского, В.А. Слепцова, Н.Г. Помяловского, так как ограничивает круг русского модерна только указанными литераторами, не включив в него и поэтов. Приятель, например, предпочел бы, чтобы вместо Скитальца (С.Г. Петрова) автор выбрала А.И. Куприна и Л.Н. Андреева. Вместе с тем ее переводы произведений русских писателей Приятель хвалил⁴⁶. Вторая рецензия Приятеля на переводы Говекарьевой появилась в журнале в начале 1907 г. И снова Приятель высоко оценил ее перевод «Власти тьмы» Л.Н. Толстого, и вновь посчитал ее введение к нему слабым⁴⁷.

Для материалов о России, представленных Приятелем, характерны глубина, прекрасное знание предмета, обоснованность выводов. Следует отметить, что он — один из немногих авторов, писавших о России в то время, — упомянул о революционных событиях 1905–1907 гг. В 1905 г. в журнале было опубликовано его краткое сообщение о том, что в России запрещены произведения М. Горького, поскольку власти расследуют его участие в последних революционных событиях⁴⁸.

«Ljubljanski zvon» публиковал не только статьи и переводы с русского языка, сделанные Приятелем, но и рецензии на них. Так в рецензии на книгу, изданную Л. Пинтаром, «Сборник научных и поучительных статей» рецензент особо остановился на статье Приятеля «Пушкин в славянских литературах». Отметив, что часть этой статьи вышла в 1900 г. в России, он подчеркнул вывод Приятеля, что не все то, что полезно для русских, может быть полезно для словенцев, поэтому нужно переводить на словенский язык лишь то, «что отвечает нашему вкусу и так, как этого требует наш язык». В этом отношении Приятель ставил в пример переводы В. Левстика и Ашкерца⁴⁹.

⁴⁶ Ljubljanski zvon. 1906. № 7.

⁴⁷ Ibid. 1907. № 4.

⁴⁸ Ibid. 1905. № 3.

⁴⁹ Ibid. 1902. № 9.

При Ашкерце и сменившем его Збашнике в журнале «Ljubljanski zvon» нередко публиковались сведения о русских художниках и композиторах. Чаще всего это были восторженные оценки тех русских деятелей, о которых шла речь. В некрологе, посвященном И.К. Айвазовскому, отмечалось, что он был гениальным художником, не имевшим себе равных в изображении моря и основавшим русскую школу маринистов. Автор некролога подчеркнул, что нет ни одной галереи в Европе и Америке, где бы ни имелись его картины⁵⁰. Словенский художник Иван Вавпотич в обзоре всемирной художественной выставки в Париже хвалил портрет Л.Н. Толстого, написанный И.Е. Репиным, и картины В.В. Верещагина. Особый интерес у него вызывало творчество А. Васнецова, который для него был «выразителем типичного русского национального искусства», а также К.Е. Маковского, в картинах которого он увидел «социалистические черты». Несколько ранее Вавпотич поместил заметку о скульпторе М.М. Антокольском. «Что Антокольский один из величайших скульпторов, если не самый великий, — писал он, — об этом знает почти весь мир»⁵¹.

Несколько раз со статьями о русских художниках выступил в журнале художник П.С. Жмитек. В 1902 г. он посетил в Петербурге выставку русских художников акварелистов, где ему понравились картины Р.А. Бергольца, а также выставку художника Ю. Крачковского, который большинство своих картин посвятил Кавказу⁵². Но наибольшее впечатление на Жмитека произвела выставка передвижников, посвященная 30-летию существования товарищества. «30 лет уже, — писал Жмитек, — товарищи-художники неутомимо трудятся над развитием своей национальной живописи и распространением ее в России». Жмитек подчеркивал роль передвижников в создании русской национальной живописи. Более других Жмитеку понравились портреты, написанные Репиным, картины А.М. Васнецова («Весна приближается», «Прошлое Великого Новгорода» и др.). Об-

⁵⁰ Ljubljanski zvon. 1900. № 6.

⁵¹ Ibid. 1901. № 1, № 2; 1900. № 8.

⁵² Ibid. 1902. № 5, 6. Возможно, имеется в виду пейзажист И.Е. Крачковский, посвятивший большую часть своих картин Крыму.

зор выставки передвижников автор закончил пожеланием, чтобы их деятельность продолжалась еще многие тридцатилетия⁵³.

Жмитек написал обширную статью, посвященную И.Е. Репину. Указав на успех русского искусства, автор подчеркнул, что теперь уже можно говорить о существовании такого искусства, которое выражает русскую национальную индивидуальность. Среди тех, кто сделал это возможным, Жмитек выделил Верещагина, Васнецова, Маковского, Антокольского, Айвазовского и прежде всего — Репина. «С этим именем, отмечал автор, — связано понятие национального, чисто русского художника». Репин входил в общество передвижников и сыграл огромную роль в развитии русской живописи, его целью было изучение родины и распространение художественной культуры. Жмитек перечислил те картины Репина, которые произвели на него наибольшее впечатление: «Бурлаки на волге», «Запорожцы», «Царевна Софья в Новодевичьем монастыре», «Иван Грозный и его сын Иван» и др. Это были картины, посвященные истории России, но у Репина имелись и картины, отображавшие революционное движение: «Нигилисты», «Не ждали», «Могила коммунаров на кладбище Пер Лашез». Вывод Жмитека гласил: Репин в русской живописи то же самое, что Л.Н. Толстой в русской литературе⁵⁴.

В 1904 г. в журнале был опубликован некролог, посвященный В.В. Верещагину. Автор характеризовал его не только как художника, но и как гуманиста, который показывал страшные картины войны, чтобы человечество навсегда от нее отказалось. «С Верещагиным, — писал он, — русская и славянская живопись потеряли своего знаменитого представителя, друга мира, великого идеалиста и отважного мученика»⁵⁵.

После 1900 г. на сцене словенского театра неоднократно ставились пьесы русских авторов, в которых играли или русские гастролеры, или местные артисты. Рецензии на них обычно писал новый редактор «Ljubljanski zvon» Ф. Збашник. Так, он опубликовал обширный отзыв на постановку люблянкой

⁵³ Ljubljanski zvon. 1902. № 9.

⁵⁴ Ibid. № 12.

⁵⁵ Ibid. 1904. № 5.

труппой пьесы М. Горького «На дне». Отметив успех ее у горожан, автор подчеркнул, что герои Горького, хотя и находятся на самом дне, но и в них есть искра человечности. Поэтому драма потрясает как «Фауст» Гете⁵⁶. В 1905 г. Збашник поместил в журнале отзыв на выступление на люблянской сцене русского хора Надин Славянской, представившей две постановки: «Жизнь за царя» и «Свадьба русских бояр». Збашник довольно сдержанно охарактеризовал обе постановки, отметив только, как приятно было слышать со сцены русскую речь: «Она казалась нам родной и как она нам была мила»⁵⁷. В том же году на сцене люблянского театра были поставлены опера «Евгений Онегин» и драма Л.Н. Толстого «Власть тьмы». Збашник написал отзыв на постановку пьесы Л.Н. Толстого. Он указал, что его произведения и особенно «Власть тьмы», в которой он изучил человека как никто другой, оказали огромное влияние на мировую литературу. Вместе с тем игру актеров Збашник оценил невысоко⁵⁸. В конце 1905 г. он поместил в журнале заметку о постановках опер на люблянской сцене. Всего за сезон 1904/1905 г., отметил он, было поставлено шесть опер, из них три раза шла опера Чайковского «Пиковая дама»⁵⁹.

После аннексии в 1908 г. Боснии и Герцеговины испортились отношения между Австро-Венгрией и Россией. Надежды на то, что они смогут стать союзниками, которые питали неослависты и другие славянские деятели, окончательно исчезли. И уже в последующие годы в журнале «Ljubljanski zvon» резко уменьшилось количество публикаций о России. Это уже не были полноценные статьи, а чаще всего сообщения о книгах, журналах и выставках. Исключений было немного. Так в 1909 г. была помещена заметка о журнале «Славянский мир», выходившем в Петербурге в 1908–1911 гг. под редакцией словенского эмигранта Я. Лаврина. В заметке говорилось, что цель этого журнала — рассказывать о литературе, искусстве, идейном движении среди славян. «Причиной издания этого журна-

⁵⁶ Ljubljanski zvon. 1904. № 12.

⁵⁷ Ibid. 1905. № 1.

⁵⁸ Ibid. № 4.

⁵⁹ Ibid. № 11.

ла послужило сознание, что для общего дела славянских народов необходимо прежде всего их взаимное ознакомление друг с другом». В заметке указывалось, что в журнале публикуется перевод на русский язык повести И. Цанкара «В доме Марии заступницы» и статья о творчестве писателя⁶⁰.

«Ljubljanski zvon» регулярно извещал о выходе в свет переводов русской литературы на словенский язык. Так сообщалось об издании повести И.С. Тургенева «Первая любовь», сочинения Л.Н. Андреева «Красный смех», сборника десяти произведений М. Горького и отдельного издания его же повести «Фома Гордеев», романа Ф.М. Достоевского «Записки из мертвого дома» и др. Более подробно Й.А. Глонар остановился на переводе «Евгения Онегина» Пушкина Приятелем. Он подчеркнул, что Приятель проявил себя как ученый и как поэт. В переводе, по мнению Глонара, «Приятель — конгениальный переводчик, который полностью углубился в источник и раскрыл его с чарующей сердечностью»⁶¹.

В рассматриваемый период «Ljubljanski zvon» активно знакомил читателей с русской культурой. В разные периоды размеры и содержание публиковавшихся в журнале материалов о России были различны, они зависели во многом от отношений Габсбургской монархии с Россией. Когда они более или менее были лояльными, журнал помещал на своих страницах более обширные и квалифицированные материалы не только словенских, но и русских культурных деятелей. Наиболее ярким и интересным было время, когда редактором журнала являлся Антон Ашкерц. Но и в тот период, когда отношения между Австро-Венгрией и Россией не отличались благожелательностью, «Ljubljanski zvon» находил возможность знакомить читателей с культурными достижениями России. К русской тематике обращались многие словенские деятели культуры. Особенной глубиной и обоснованностью отличались труды И. Приятеля, который именно в то время начинал плодотворную научную деятельность в качестве историка литературы.

⁶⁰ Ljubljanski zvon. 1909. № 1.

⁶¹ Ibid. 1910. № 3.